

Владимир Саморядов

АКСОЛОТЛЬ
И СТАТУЭТКА
ПРЕВРАЩЕНИЙ

Часть вторая

Владимир Саморядов

**Аксолотль и статуэтка
превращений. Часть вторая**

«Издательские решения»

Саморядов В.

Аксолотль и статуэтка превращений. Часть вторая /
В. Саморядов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850378-8

В конце девяностых годов в одной кубанской станице случилось странное. Ожили вдруг герои старинных легенд и сказок, да и сами люди в этих героев превратились. Ведьмы стали на шабаши собираться, колдуны расплодились, вампиры и вурдалаки. Наша история о том, как это произошло, что этому предшествовало, и как все закончилось....

ISBN 978-5-44-850378-8

© Саморядов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть вторая	6
Глава первая	6
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аксолотль и статуэтка превращений

Часть вторая

Владимир Саморядов

© Владимир Саморядов, 2017

ISBN 978-5-4485-0378-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть вторая

Глава первая

о хозяевах и слугах, рыцарях и самураях, летающих островах и громогласных бэнши

Вильям летал во сне. Это был чудесный полет, когда ты, свободный от земного тяготения, взмываешь ввысь под самые облака и паришь, кружишься, витаешь. Земля внизу – изогнутая, пестрая линза, в которой искажается реальность. А ты способен подняться выше, до верхних кромок облаков, увидеть не застланное дымкой солнце, ощутить на своих щеках обжигающий ветер высот.

«Ты растешь, – объясняют такие сны взрослые. – Когда вырастишь, летать перестанешь». Глупое объяснение. Вот одноклассник Дубинкин тоже растет: вон уже какой вымахал, – но ему сны про полеты не снятся – одна порнография. Курову снится нечто подобное. (Они как-то затронули тему полетов во сне и выяснили, что кому снится.) Так вот, Курову не столько полеты снятся, сколько прыжки по деревьям. Злоязыкий Илья объяснил такие сны возвращением Курова к обезьяньим истокам человечества. Насчет остальных неизвестно. Но сны про полеты приходили к Вильяму почти каждую ночь.

Иногда в этих снах он отрывался от земли высоко-высоко, иногда скользил низко над поверхностью. Были моменты, когда земное тяготение вдруг напоминало о себе, и тогда Вильям камнем падал вниз, но всегда просыпался, не успев упасть. Иногда на земле его ждали какие-то злые люди, посылали снизу проклятия, пытались допрыгнуть, но достать не могли.

Сегодняшний сон был удивительно ярким и волшебным. Вильям летал высоко-высоко среди облаков. Мимо него пролетали пестрые птицы, странные бабочки размахивали огромными, больше человеческого роста, крыльями. Среди облаков, чуть ниже него, скользил летающий остров Лапута, придуманный Джонатаном Свифтом, с островерхим замком в центре.

Вильям хотел взглянуть на летающий остров, хотел спуститься, но промахнулся и заскользил вниз, постепенно наращивая скорость. Внизу он увидел город, город ажурных башен, пестрых дворцов, город фонтанов и статуй. Этот город чем-то был похож на станицу Ряжскую, в некоторых зданиях проглядывали знакомые очертания, но Город был красивее, чище, ярче и как-то добрее. Прямые улицы были выстланы каменной плиткой, по обочинам стояли не бетонные столбы ЛЭП, но мраморные статуи. И прохожие почему-то улыбались, а не бежали вперед с перекошенными от тяги к богатству лицами. И дома – аккуратные каменные строения, большие и маленькие дворцы с пестрыми крышами.

Вдруг Вильям ощутил, что теряет высоту. Промахнувшись мимо летающего острова, он продолжил падение. Ощущение эйфории сменилось страхом. Уже понимая, что это всего лишь сон, он попытался проснуться, но не смог, и падал все ниже. Крыши домов, верхушки деревьев, статуи и фонтаны становились все ближе и уже не казались такими добрыми и притягательными.

Потом последовал удар, однако не жесткое, смертельное падение, но мягкое, пружинящее, в то же время ощутимое, сотрясающее внутренности.

Вильям лежал в постели, а сетка все еще ходила ходуном, словно он действительно свалился на кровать с высоты пары метров.

– Однако, – проговорил он вслух. – Да, я летал во сне, но упал-то наяву. Ой! Не может быть! – Воскликнул он уже громче.

Постель и комната, в которых он проснулся, ему не принадлежали!

Вчера вечером Вильям сладко заснул в маленьком деревянном сарайчике, превращенном его упорными стараниями в удобное бунгало, расписанное изнутри пестрыми граффити, на старом большом диване. Побросал на старое вытертое кресло свою одежду и приготовился смотреть сладкие сны. Но теперь он находился в добротном бревенчатом доме. Вместо модели звездолета под потолком висел кованый светильник. Ложе, на котором он проснулся, было застлано шкурой какого-то большого зверя: медведя, а может, и мамонта; не кровать, а именно ложе: нечто тяжелое и обширное, с высокими деревянными резными спинками. Одежда, лежавшая на кресле, тоже была чужой.

Большое окно было на своем месте, но теперь сквозь стекло виднелся не куст сирени, а пальма, на перистых ветвях которой сидели и чирикали пестрые попугайчики. Вместо плетеного из лоскутков половика на полу лежал ковер, на вид персидский. Стол находился на положенном ему месте, однако имел другую форму и более древнюю форму с инкрустированной столешницей, и вместо монитора компьютера на золотой подставке, изображавшей трех оскаленных драконов, стоял большой хрустальный шар.

Книги! Книги частью были его: Толкиен, Гуликовский, Джек Лондон; но присутствовали и какие-то фолианты в кожаной обложке с золотым теснением и мудреными названиями: «мантика», «каббала», «гоетия», «викка». Эти названия Вильяму ничего не говорили.

Акварельный рисунок на стене над кроватью, нарисованный двоюродной сестрой, висел над кроватью и вчера.

В попытке проснуться Вильям ущипнул себя за живот, за бедро, даже попробовал подергать за нос, ожидаемого пробуждения не произошло, но синяки поставить получилось.

– Однако! – Воскликнул Вильям в очередной раз и поспешил к лежавшей на кресле одежде. С сомнением взял в руки узкие, коричневые штаны, поднял, примерил, надел. Размер его, ничего не висело, нигде не жало. Потом он надел широкую темно-зеленую куртку с глубоким вырезом и рукавом-регланом. Тоже его размер. Натянул длинные носки, вернее, какие-то вязаные гольфы, обул сапоги. Последним в кресле лежал пояс с прикрепленным к нему ножнами. В ножнах находился какой-то режущий инструмент: нож, кинжал, короткий меч или кортик.

Перед тем, как вытащить из ножен кинжал, Вильям несколько раз хлестнул себя ладонями по щекам. Безрезультатно, если это и сон, то для пробуждения нужны более радикальные приемы. Тогда он взялся за кинжал и рывком вынул его из ножен.

Красота! Тонкий, даже на взгляд острый клинок расцветивал серый булатный узор. Мужественная тяжесть внушала уважение, а удобная яшмовая рукоятка, украшенная на торце огромным красным камнем, ласкала ладонь. Это не игрушка, – догадался Вильям. – Это настоящий клинок средневековых рыцарей. Обтянутые черной кожей ножны, были лаконично украшены двумя серебряными пластинами в виде дерущихся грифонов.

Вильям перебрал кинжал с руки на руку, сделал несколько взмахов, колющих ударов, потом спрятал кинжал в ножны и подпоясался.

Теперь можно было идти навстречу опасностям, трудностям и необычным. И Вильям Андреев, облаченный и экипированный как юный оруженосец, вышел из домика наружу.

Нет, это, конечно, был его двор. Знакомые, старательно возвращенные мамой цветники, дорожки, выложенные камнем. Даже песочница была на месте, в которой он любил ковыряться каких-то шесть лет назад. Однако теперь двор защищала высокая каменная ограда с зубцами по краю – ни дать ни взять поместье средневекового тана. И дом из кирпичного превратился в каменный, старинный с высокими стрельчатыми окнами, защищенными коваными решетками. Из обитой железными пластинами тяжелой входной двери торчали заточенные железные шипы. Весь дом и двор был готов к отражению атаки неизвестных недоброжелателей. Это и радовало и настораживало – выходит, есть такие, от кого придется защищаться.

С трудом открыв тяжелую дверь, Вильям вошел в дом. Это был без сомнения его дом, в котором он родился и вырос, к которому привык: знакомое расположение комнат, знакомо расставленная мебель. Но мебель старинная, тяжелая и украшенная вычурной резьбой. Под потолком висели ажурные светильники из кованого железа. Слава Богу, светильники были оснащены электрическими лампами. Да, в доме имелись электричество, холодная и горячая вода, ванная комната и туалет с унитазом. Пускай сама ванна походила на огромную деревянную лохань, пусть холодильник был замаскирован под резной, черного дерева шкаф. Свои основные функции они выполняли. Ну, превратился кухонный комбайн в некий агрегат с чудовищного вида лезвиями и лопатками. Да телевизор теперь походил на волшебное зеркало в вычурной раме, однако вместо своего отражения в этом «зеркале» можно было увидеть голых певичек с Первого канала. А кроме газовой плиты на кухне имелся очаг с подвешенным над ним огромным закопченным котлом. Сбоку от очага в ряд стояли разного размера вертела.

Посредине гостиной на широкой тахте полулежала мама Вильяма Андреева в длинном платье, с непривычной прической, терла виски, трясла головой, видимо, не веря своим глазам.

– Вильям, – сказала она нервно. – Что происходит?

– Не знаю. Может, мы все умерли?

– Может быть..., – пробормотала женщина. – Но не верится.

– Да, я тот свет себе не так представлял.

Заскрипела дверь, и в комнату вошел незнакомый человек. Вернее, это вначале он казался незнакомым. Человек был облачен в простого покроя рубаху, штаны, жилет, подпоясан матерчатым кушаком. Слуга, раб, холоп, – говорили его одежда, походка, скучное выражение лица.

– Какие будут приказания, госпожа, – проговорил человек с подобострастным придыханием.

– Вадим Алексеевич, это вы?! – Воскликнула мама.

– Я, несравненная госпожа, – проговорил Вадим Алексеевич. – Какие будут приказания? Хотите, моя супруга приготовит вам завтрак? Если пожелаете, можно запрячь карету для прогулки.

– Карету...? Вадим Алексеевич, что с вами?

– Ради вас, госпожа, ради вашего супруга, ради вашего сына я готов на все! – Провозгласил Вадим Алексеевич.

Вадим Алексеевич Громов, сосед, главврач районной больницы, человек чопорный, высокомерный, всегда имевший начальственную внешность и импозантный вид, тиранивший свою жену и сына, и теперь такие изменения! Был начальником – стал рабом.

За Вадимом Алексеевичем вломились в комнату остальные Громовы, жена и сын, тоже щебетали, спрашивали приказаний, заискивали, юлили.

– Господин Вильям, – пищал Ромка Громов, пытаясь припасть к ногам Вильяма, – что пожелаете, господин Вильям? Я весь к вашим услугам.

– Ромка, отвали! – Прикрикнул на соседа Вильям.

– Господин Вильям, я ваш верный раб. Желаете позавтракать?

Это было невыносимо.

Порой бывает приятно, когда тебя окружает табунчик развеселых маленьких щенят, поскуливающих, повизгивающих, лижущихся, желающих обратить на себя внимание. Желаящих хоть чем-то угодить. Бывает приятно, но потом такая привязанность тебе надоедает. А тут не щенки – люди, твари разумные, а ведут себя хуже собак-подлиз.

Не выдержав подобострастного натиска соседей, Вильям выскочил на улицу.

– Господин Вильям, – вопил ему вслед Ромка Громов, – я готов служить вам! Желаете, я буду охранять вас от разбойников.

– Сам обойдусь! – Бросил Вильям, захлопывая тяжелую калитку.

Но Ромка бежал за ним и орал вслед:

– Господин Вильям, подождите, я вас охранять буду!

– Офигеть! Что жизнь с людьми делает! – Заключил Вильям.

Ромка отстал. Теперь Вильям мог остановиться, оглядеться, ужаснуться.

По многим признакам это была станица Ряжская, родная, любимая, и одновременно надоевшая. Вот знакомая акация, как-то года три-четыре назад на акацию забрался Саша Бякин и не смог слезть. Его тогда почти целый день с дерева снимали при помощи милиции, пожарных, «скорой помощи» и всех соседей. Даже половину кроны спилить пришлось. Следы этого насилия над деревом до сих пор сохранились. Но двор Нюрки Матвеевой, перед которым росла эта акация, на двор Нюрки Матвеевой совсем не походил. Это был кусочек северной тундры, поросший мхом и ягелем, посередине которого стоял коряжский или чукотский чум. Сама хозяйка двора, в длинной кухлянке, торбасах, с кожаным бубном в руках прыгала вокруг чума, била в бубен, по-видимому, заклиная духов. Но самогонный аппарат был на месте и соблазнительно дымился. Над калиткой висело объявление: «Изгоняю бесов, лечу порчу, выявляю вампиров народными средствами, продаю самогон».

Следующий двор, в котором жил известный всей округе делец, вор и барыга, теперь представлял собой участок леса, над которым возвышалось огромное дерево. Вильям разглядел и самого барыгу, лишенного одежды, но покрытого бурой шерстью. Барыга раскачивался на ветке, и счастливо так улюлюкал. Видимо, он превращался в обезьяну и был этим несказанно доволен.

Остальные дворы и дома тоже изменили свой вид, цвет, форму, содержание.

Под ногами вместо усыпанной камнями и пылью земли лежала настоящая брусчатка. Идти по такой дороге было удобно и приятно. Никакие кочки, ямки, колеи и колдобины не мешали движению.

Стали попадаться прохожие. У всех пестрые наряды, пугающие своим разнообразием, и одинаково вытянутые и обреченные лица. Было ощущение, что все они собрались на маскарад, поэтому и облачились в необычные одежды, но погнались на это мероприятие под страхом смертной казни: не избежать, ни отвертеться. Кто-то из них носил камзолы и плащи, другие рядились в восточные наряды: халаты и тюрбаны. Встречались и такие индивидуумы, кто предпочел дикарский наряд из бус и набедренных повязок; шли себе по улицам, разрисованные нелепыми росписями и татуировками, здоровались со знакомыми, разглядывали окружающих.

Дом, где проживала Анна Павлиновна Шайкина, превратился в крайне защищенную крепость: по углам торчали башни с бойницами и машикулями, каменный забор украшали зубцы и острые колья, вместо дома – донжон с узенькими, но застекленными, окошками. На шпиль висела какая-то тряпка, должно быть, знамя, но Вильяму показалось, что это деталь Ленкиного гардероба, занесенная ветром на шпиль. Все бы хорошо, но это был маленький замок, соответствующий размерами прежнему жилищу Шайкиных.

Дом Илья тоже сохранил прежние размеры, тоже превратился в крепость, но... японскую. Забор из просечного железа стал каменным, а из-за этого забора выглядывал дом, многоярусный с изящно изогнутой черепичной крышей, похожий на несколько пагод, поставленных друг на друга. Конек украшали деревянные скульптуры драконов.

Вильям остановился посередине улицы, вертел головой туда-сюда, щипал себя, тщетно пытаюсь проснуться. Слева замок Шайкиных, справа замок Ильи, а впереди двор Бякиных. Двор Бякиных ничуть не изменился. Деревянный забор остался прежним, кирпичный беленый дом тоже, деревья по-прежнему создают густую тень. Вишни в пальмы и секвойи не превратились. Петух за деревьями кукарекает. Ничего не изменилось, за одним маленьким исключением: весь двор с домом, кухней, сараями, деревьями, кошкой Муркой, дедом Степаном и бабушкой Муней, Сашей и Лешей Бякиными, Альбиной Мазлумян и ее очередным избран-

ником отделился коренного грунта и теперь летающим островом висел в воздухе на высоте пяти-шести метров.

Потом Вильям взглянул на овраг. Оврага не было. Там, где овраг выходил на улицу, между двором Ильи и жилищем Бякиных, где еще вчера находилась горячо любимая Сашей и Лешей свалка, теперь стоял каменный пирс, уходящий в море.... Именно в море. Овраг превратился в залив или фьорд, за которым играл сине-зелеными цветами морской простор. Исчезла река Кубань, исчезли закубанские пространства с их хуторами, полями, фермами. Теперь здесь были море, облака, паруса далеких кораблей.

И замер Вильям Андреев, молодой человек четырнадцати лет, отличник и вундеркинд, мечтатель и романтик, предмет воздыхания множества поклонниц, замер, открыл рот, выпучил глаза и даже щипать себя перестал. С таким тупым выражение лица обычно Саша Бякин замирал, когда его что-либо удивляло, но его всегда что-то удивляло. А тут Вильям замер. Простим его, однако, – в такой ситуации любой замрет. Можно, конечно, попытаться в обморок упасть, но не получается; засмеяться, заплакать, но смех и слезы тоже никак не выдавливаются. Можно попробовать посчитать себя полным идиотом, предположить, что на самом деле ты лежишь в палате для умалишенных, и все эти замки, моря и летающие острова тебе только кажутся, но к такому выводу приходиться не хотелось. Перспективы в такой ситуации были неопределенными.

Вильям стоял на одном месте, вертелся, оглядывался по сторонам, старательно впитывая глазами происходящее. Вдруг чья-то крепкая рука хлопнула его по плечу. Вильям вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял невысокий, коренастый самурай. Именно самурай, в кимоно, штанах-хакама, накидке-хаори, похожей на коническую корзину плетеной шляпе. Из за пояса торчали два меча: длинный – катана, и меч покороче – вакидзаси.

– Чего пялишься? – Весьма недовольно спросил самурай.

– Илья? – Удивился Вильям.

– А кто еще, по-твоему? – Проворчал самурай.

Вильям начал смеяться. Сначала просто засмеялся, а потом принялся истерически хохотать. Самурай Илья недобро смотрел на друга. Смеяться он не прерывался. Вильям смеялся долго, до слез, до икоты. Обычно такое состояние называют истерикой и лечат соответствующими препаратами.

– Будешь ржать, мечом долбану, – пообещал Илья и с самурайской решительностью положил руку на рукоять меча.

Вильям сразу же унял смех.

– Ну прости, – сказал он примирительно. – Не ожидал тебя в таком виде увидеть.

– Не себя посмотри: тоже мне, доблестный рыцарь Айвенго!

– Ты еще наших соседей Громовых не видел. Они нашими слугами стали, бегают по дому, к ногам припадают, приказаний требуют. Я от них сбежал.

– Громовы? Семья главврача? – Не поверил Илья.

– Трудно поверить? Трудно. Но придется.

Они замолчали, посмотрели по сторонам. Шумело море, бились о кирпичный пирс пенные волны. Плыли по морю парусные корабли. Мимо ребят верхом на хромой кобыле проехал какой-то перепуганный мужик. По всему было видно, что на лошадь он сел впервые, в седле держался с трудом, покачивался из стороны в сторону. Если бы полудохлая кляча перешла с шага, хотя бы на рысь, мужик точно бы оказался на каменной брусчатке. Но одет всадник был с величайшей претензией: в костюме ковбоя.

– М-да, – пробормотал Вильям, провожая раскачивающегося ковбоя долгим взглядом. – Как ты думаешь, где мы все оказались?

– В станице, – проворчал Илья. – Это она, сомнений быть не можешь. Вон, возле причала осколки водочной бутылки видишь? Бякинская бутылка. Они недавно бутылки кирпичами

били, а я их за уши таскал. Не сомневайся, это наша станица. Только вопрос, как она такой стала? Ты как все объясняешь?

– Я? Ну, решил, что я сошел с ума, и теперь мне все это кажется, – сказал Вильям.

– Я тоже, – оживился Илья. – И папа мой, как увидел вместо официального костюма и тубы с чертежами самурайские доспехи, решил, что с ума сбрендил. Попил валерианки, потом sake выпил, теперь к моей бабке побежал. Посмотреть, как у нее дела... Давай для начала будем считать, что мы не сошли с ума, и никто с ума не сошел.

– Давай, – согласился Вильям. – Я что-то не хочу быть психом.

– Тогда, если мы не психи, то какой псих весь мир так перекроил?

– От этого вопроса тоже психом можно стать, – заключил Вильям. – Я все перепробовал, и грандиозный розыгрыш, и перенос во времени. В какой-то момент я решил, что умер, и теперь нахожусь в раю... или в аду. Давай будем считать, что имеет место чудо, а причины этого чуда попытаемся разгадать позже.

– Давай считать, – согласился Илья без особого, впрочем, энтузиазма. Он не любил оставлять дела на потом.

Затем они дружно подняли головы и посмотрели на летающий остров с Бякиными. Снизу остров выглядел далеко не привлекательно: гигантский ком земли с торчащими корнями деревьев. Точно под летающим островом, в том месте, откуда воспарил кусок земли с двором, домом, кухней и всеми обитателями, теперь располагался соответствующих размеров водоем.

– Молчат, – проговорил Илья.

– Молчат, – согласился Вильям.

– Может, умерли?

– Вряд ли. Думаю, спят еще. Воскресенье сегодня.

– Точно, воскресенье, – вспомнил Илья. – А мне показалось, что со вчерашнего дня целая вечность прошла. Кстати! Ты говорил, что у тебя слуги появились, Громы. У меня тоже слуга есть. Такой страхолюдного вида карлик, мохнатый, на японца не похож, но в кимоно. Говорить не может, но все понимает. Мой собственный, так сказать, карманный самурай.

– Откуда он взялся?

– Не знаю. Но карлик этот уж больно на моего дворового кобеля Спинозу похож. А я Спинозу с вечера не видел. Думаю, это он.

– Хм, – усмехнулся Вильям.

– Ага, – согласился Илья. – Нам нужно еще по станице пройтись, посмотреть, что во что превратилось, кто кем стал. И еще, мне интересно: надолго ли это? Вдруг спустя какое-то время все в нормальное состояние вернется. И порадоваться новой жизни не успеем.

Возле каменного причала справа от ребят, что-то громко плеснулось, гораздо громче накатывающихся на берег волн, словно что-то большое упало с причала в воду.

– Ребята, – позвал мальчиков чей-то печальный и перепуганный голос. – Помогите!

Вильям и Илья повернулись на зов. Голос знакомый, и никакой угрозы в нем не слышалось, но все равно к причалу они пошли осторожно, на всякий случай придерживая рукояти мечей.

Вначале они ничего подозрительного не заметили, но потом разглядели, как возле ближайшей опоры причала зашевелилось что-то живое, всхлипнуло, потом громко чихнуло. Ребята подошли ближе. В накатывающих волнах плескалась Леночка Шайкина. Однако это плескание веселым купанием назвать было сложно. Движения Леночки больше напоминали нерешительную попытку самоутопления.

Лицо Леночки радости не выражало, было заплаканным, в потеках губной помады, туши, серебристых блёсток. Потом бросилась в глаза некоторая неодетость, вернее, экзотичность наряда, даже Леночке Шайкиной не свойственная. Сорочка из перепутанной морской травы. Таковую сорочку Ленка могла бы надеть только тогда, когда какой-нибудь заграничный модельер

объявил бы такой наряд за пределами модным. Волосы у Леночки имели отчетливый зеленый цвет. Конечно, Леночка частенько красила свои длинные волосы, однако не столь радикально. А потом потрясенные ребята разглядели дельфиний хвост вместо толстеньких коротких ног Леночки Шайкиной. В серебристых волнах неизвестно откуда взявшегося моря неуверенно шевелилась неизвестно откуда взявшаяся русалка.

– Ребята, – увидев мальчишек, разревелась Леночка Шайкина. Она пыталась сказать еще что-то, но за горькими всхлипами слов было не разобрать. Потом, слегка успокоившись, Леночка поведала о своей беде и обо всем, что с ней случилось.

Спать Леночка улеглась поздно: пришлось долго успокаивать разволновавшуюся маму, подвергнувшуюся нападению змей и лягушек. Обретя некоторые силы, Анна Павлиновна все порывалась идти бить Аллу Филипповну, невзирая на позднее время и высокое артериальное давление. Она даже подходящий для этой цели лом приготовила. Леночка, в попытке удержать маму, хватала ее за руки и ноги, а Прасковья Опанасовна пыталась лечить корвалолом. Потом обстоятельной бабушке удалось убедить маму, что возмездие может подождать до утра, «горластая Алка никуда не денется», пусть себе спокойно спит до утра.

Мама успокоилась, зато перевозбудилась Леночка и долго не могла заснуть. Ее и кричающие под окном утки тревожили, и тиканье часов, и громкие вопли дерущихся под забором не давали ей спать. Заснула Леночка под утро, а проснулась в холодной воде, в теле русалки.

Плывать Леночка сроду не умела и никогда не порывалась учиться. Когда летом мама вывозила ее на пару дней на море, Ленка большую часть времени проводила у кромки воды, довольствуясь солеными морскими брызгами. Теперь же даже наличие хвостового плавника не помогало ей научиться плавать. Все попытки освоить новую часть тела заканчивались у Леночки утоплением. Дышать под водой она тоже не смогла, только давилась соленой водой, кашляла, плевалась и плакала. Не смогла Леночка и выбраться на берег. По телевизору она видела, как ползают по берегу тюлени и морские котики, но соответствующих навыков у нее не было, поэтому дальше полуметра от кромки воды она не выползла. В воде было холодно и мокро, на суше тяжело и жарко. Это дитя двух стихий оказалась не приспособленной ни к одной из них.

Леночка пыталась звать на помощь, но соседи, увидев такое хвостатое чудо, почему-то убегали. На призывы откликнулась только старая Нюрка, однако обратно вернулась со здоровенным гарпуном и попыталась Леночку пригвоздить. Леночка спаслась от Нюрки под сваями причала.

– Бедная Леночка, – посочувствовали Леночке ребята.

– Позовите маму, – слезливо попросила Леночка.

Илья и Вильям с тревогой посмотрели на шайкинский дом и опасно переглянулись. Уж слишком грозно и неприступно выглядел теперь дом Анны Павлиновны Шайкиной, хотя синяя лавочка, место ежевечерних посиделок, осталась на своем месте, у подножья крепостной стены.

– Да-а, – неопределенно произнес Илья. – А вдруг твоя мама нас того...?

– Чего «того»?

– Ну... Смотри, какой у тебя дом. Ты вон в русалку превратилась, а вдруг твоя мама тоже еще в кого-нибудь, в Минотавра, например?

– Вот еще! – Фыркнула Леночка.

Однако Вильям и Илья ее возражений не разделяли и смотрели на крепость с тревогой и подозрением. От этих Шайкиных всего можно ожидать!

– У тебя дом тоже на крепость похож, – логично заметила Леночка. – А ты каким был, таким остался. Одежду только чудную носишь.

– Так то – я, – ответил Илья, поворачиваясь к Леночке. – Да и откуда ты знаешь, что я – это я? Может, я – это не я, а чудовище в человеческом облике?

- Вот еще! – Вторично фыркнула Леночка, но подальше от берега отодвинулась.
- Ладно, не бойся, я русалками не питаюсь, – усмехнулся Илья.
- Я тоже, – сказал Вильям. – Позовем, что ли?
- Придется. Ты иди первым, а я, в случае чего, прикрою.
- Храбрец. А еще самурай.

Но Илья ничего не ответил на колкость. Он отошел в сторону, полуобнажил клинок своего меча и замер в боевой готовности.

Вильям подошел к тяжелым крепостным воротам шайкинской крепости. Поднял руку, собираясь постучать, но внутри крепости раздался громкий звон, похожий на обрушение штабеля железной посуды. С грозным лязгом распахнулись ворота. И на улицу выбежало какое-то чудовище, огромный длинношерстый зверь с полуметровыми клыками, черными когтями, хвостом. При внимательном рассмотрении чудовище оказалось собакой, Ленкиным любимцем Тобиком, разросшимся до лошадиных размеров. Вид у Тобика, не смотря на размеры, был совсем не страшным, как и прежде изможденным ежедневными Ленкиными ласками. Большая мохнатая голова уныло склонилась, толстые лапы заплетаются, облезлый хвост волочится по земле. Даже приколотый к голове пестрый плюмаж и яркая попона не добавляли Тобику воинственности.

Верхом на собаке восседала Анна Павлиновна Шайкина!!! Анна Павлиновна была с ног до головы закована в тяжелые доспехи, на голове – шлем, украшенный золочеными буйволковыми рогами. А сколько боевого задора, огня и гнева пылало в этих маленьких глазах. Сколько силы было в руках, сжимающих огромное копьё и широкий щит с изображением распятой курицы на гербе.

Перепуганный Вильям проворно прыгнул за синюю лавочку и залег там, выставив свой кинжал. Выдернул из ножен меч и Илья, поднял над головой, приняв соответствующую стойку. Но Анна Павлиновна ребят даже не заметила.

– Готовься к смерти, Бэнши! – Проорала Анна Павлиновна, потрясая копьём. – Выходи на честный бой!

Пришпорила Тобика и поскакала по улице.

– Бэнши? – Спросил из-под лавочки Вильям. – Кто такой или кто такая бэнши?

– Не знаю, – ответил Илья, пряча меч. – Главное, не мы.

Анна Павлиновна подъехала к дому Аллы Филипповны и остановилась.

– Алка-ледокол, вот кто такая эта Бэнши, – определил Вильям. – Это она за вчерашних лягушек отомстить хочет.

– Пошли поближе, – предложил Илья.

– А как же я? – Прокричала из воды Леночка.

– Позже, – сказал ей Илья. – Вот твоя мама победит Бэнши и тебя из воды выловит.

Оставив Леночку плавать в море, ребята подошли поближе к месту предстоящей битвы.

Дом Аллы Филипповны тоже претерпел значительные изменения. Исчез зеленый забор, исчезли зеленые сварные ворота, пугавшие соседей своим тюремным лязгом, исчез кирпичный домик, пропала виноградная беседка. Нет, крепостью, как у Шайкиных, дом не стал, но теперь походил на штаб-квартиру каких-нибудь сатанистов, некромантов или мистиков. Ограда теперь представляла собой переплетение железных колец вперемешку с бронзовыми масками чудовищ. На столбах стояли изваяния нахохлившихся злобных химер. За оградой притаился мавзолей или склеп, но не дом. Сквозь узенькие окошки этого дома, за эти мрачные каменные стены вряд ли проникал веселый солнечный свет. На каменном фронтоне тоже покоились статуи чудовищ. Между домом и оградой вместо роз росли уродливые колючки с черными, дурно пахнущими цветами, похожими на змеиные головы. словно клубок разозленных змей, эти кусты шипели, шевелились и извивались. Просовывая свои колючие соцветия сквозь ограду, они даже пытались укусить, но не могли дотянуться.

– Выходи на честный бой, Бэнши! – Проорала Анна Павлиновна и подняла вверх свое копьё.

– Бэнши? – Задумался Вильям. – Это что-то из кельтской мифологии. Женщина, которая своей песней предвещает чью-то смерть.

– А, по-моему, это женщина, которая орет, – возразил Илья.

– Нет, поет, плачет громко, ее пение предвещает худое.

– Да какая разница. Тетка Алка всегда только плохое сулит, а уж орет она...!

– Выходи на честный бой, Бэнши! – Продолжала бушевать Анна Павлиновна. – Моя месть достигнет тебя!

Как всегда водилось в станице Ряжской, к месту предстоящей разборки стали стягиваться зрители: соседи с ближайших и дальних улиц. Собирались в большие и маленькие кучки, живо обсуждая происходящие, но близко к месту поединка не подходя. В отличие от прошлых лет, зрители были одеты куда как разнообразней и живописней, в одежды разных исторических эпох, разных исторических событий. Мелькали в толпе греческие хламиды, испанские камзолы, русские сарафаны. Стояли в общей массе джинны и аладдины, гномы и эльфы, колдуны и инквизиторы, дворяне и рабы. Прыгала в наряде чукотского шамана старая Нюрка, вся обвешанная колокольчиками, долбила в свой бубен, подбадривая Анну Павлиновну. Рядом с Нюркой выше голов подпрыгивали близнецы Чайниковы, пара придурков, превратившихся в двух замшелых гоблинов; счастливые, возбужденные.

– Выходи биться, Бэнши! – Вопила Шайкина. – Один на один!

Басовитым лаем ей вторил Тобик. Лай этого переростка больше всего походил на рев озабоченного быка.

– Не выходит, – сказал Илья.

– Наверное, боится, – предположил Вильям. – Я бы тоже такой испугался. Эх, прибьет тетка Анька нашу горластую тетку Алку.

– Как знать, как знать, – загадочно усмехнулся Илья. – Я бы повременил с выводами.

Быстро открылась калитка двора Аллы Филипповны, открылась и тут же захлопнулась, не дав определить, кто там выглядывает.

– Чего прячешься, Бэнши? – Громко вопрошала Анна Павлиновна. – Выходи биться.

Вторично открылась калитка, но уже шире. Наружу вышло странное существо. Конечно, ребята предполагали, что в свете нынешних тенденций и их горластая соседка трансформируется соответствующим образом, но чтобы так! Существо, вышедшее на улицу, тетку Алку несколько не напоминало. На Шайкину шла огромная крапчатая лягушка. Шла на задних лапах, держа в передних направленное на всадницу копьё. Ростом лягушка соответствовала невысокому человеку, а выражение морды имела препаскуднейшее.

– Это Бэнши? – Опешил Илья. – Это наша тетка Алка?! Бедная, как изменилась! Что жизнь с людьми делает!

Лягушка сделала в сторону Шайкиной выпад копьём, но Шайкина оказалась куда как проворней. Она быстро отклонилась в сторону и насквозь пронзила гигантское земноводное своим копьём. Лягушка громко квакнула, выронила свое оружие, повалилась на спину и заби-лась в агонии.

– Хана тетке Алке! – Сказал Вильям.

– Подожди ты! – Возразил Илья. – Смотри!

Следом за первой лягушкой из двора полезли другие, числом не менее десятка, вооруженные копьями и ятаганами. У одной из лягушек на голове располагалась маленькая серебристая корона.

– Нет, это не тетка Алка. – Решил Вильям. – Это просто гигантские лягушки.

– А тебе эти лягушки ничего не напоминают? – Спросил его Илья.

– Напоминают, – просто ответил Вильям. – Вчера мы лягушек ловили, собирались тетке Алке вручить, и проблему лягушек царевен живо обсуждали.

– Вот-вот. Не хочешь ли поцеловать ЭТУ лягушку-царевну?

– Что-то не хочется.

Лягушки между тем обступили гигантского пса с Анной Павлиновной на спине и навалились дружным скопом, размахивая ятаганами и копьями.

Анна Павлиновна отбросила копье и выхватила меч. И этим мечом, не слезая со спины собаки, она принялась сечь, кромсать и рубить лягушек. Плохими вояками оказались лягушки. Будь ты вооружен хоть острым тесаком, хоть длинным копьём, увеличь тебя до неприличных размеров, но если ты был холоднокровной лягушкой, ею ты и останешься, ею и помрешь. И не надо что-то героическое воображать.

Вскоре лягушки все как одна лежали на земле в лужах лягушачьей крови, предсмертно дергая конечностями. В воздухе поплыл отчетливый запах рыбы. Пес Тобик не оставался в стороне, помогая Анне Павлиновне в меру своих собачьих сил. Его тяжелые лапы впечатывали лягушек в каменную брусчатку, а острые клыки разрывали на части.

Видя эту картину, Вильям неприязненно сморщился:

– Гадость, аж внутренности выворачивает.

– Выходи на честный бой, Бэнши! – Прокричала разгоряченная битвой Анна Павлиновна. – Твои приспешники перебиты, выходи сама.

– Выйдет – не выйдет? – Заинтересованно спросил Илья.

Где-то в глубине трансформированного двора Аллы Филипповны, а может, и в доме, раздался протяжный визг, похожий одновременно на крик обезумевшего кота, вой пожарной сирены, женский возмущенный вопль.

– Выйдет, – сказал Вильям.

– Похоже на то, – согласился Илья.

Визг становился все громче и громче, и хотя ребята стояли далеко от места битвы, даже у них заложило уши. Хуже пришлось самой Анне Павлиновне и стоящим поблизости зрителям. Громкий визг просто контузил Нюрку, она даже бубен выронила. Бубен покатился по улице, Нюрка кинулась его догонять.

Потом что-то большое взмыло в воздух над домом Аллы Филипповны, зависло на высоте десяти-пятнадцати метров и медленно заскользило в сторону Анны Павлиновны. Неопознанный летающий объект при детальном и внимательном рассмотрении оказался Аллой Филипповной или Бэнши, если использовать терминологию Шайкиной. Алла Филипповна уверенно восседала на простой дворовой метле, словно давным-давно освоила этот инструмент по его прямому назначению. Сидела себе, как на велосипеде или лошади, горделиво подбоченись, выпятив вперед свой выдающийся бюст.

Если бы не полет на метле, горластая Алла несколько не изменилась. Никакие превращения, преобразования или мутации ее не затронули. Алла Филипповна не носила ни колдовского наряда, ни савана, ни прочных доспехов, хвост с крыльями тоже не наблюдались. Волосы, как были окрашены в немислимый оранжевый цвет и завязаны большим узлом на затылке, такими и остались. Никакой прически а ля «Медуза Горгона», со змеями вместо кос. Короче говоря, простая, среднестатистическая русская женщина пятидесяти с хвостиком лет в зеленом платье.

Но метла. Но голос! Алла Филипповна и раньше обладала феноменальным голосом, натренированным ежедневными сварами с соседями и родственниками, но теперь этот голос приобрел невиданную силу, мощь и глубину. Это уже был не голос, а оружие массового поражения, акустическая пушка, разрабатываемая военными инженерами, но так и не созданная. Если раньше, когда тетка Алка включала свой природный репродуктор, у соседей дрожали оконные стекла, то теперь стекла вылетали, вместе с рамами и участками стены. Крошились

крыши, ломались деревья, а люди, попавшие под голосовой удар, валились с ног и оставались лежать без движения.

Взлетев повыше, Бэнши глубоко вздохнула, от чего ее выдающийся бюст стал еще более выдающимся, распахнула до неприличных размеров рот и завизжала.

Громкий визг, вырвавшийся из могучей глотки Бэнши, был не только слышен, но и осязаем и даже виден. Вильям и Илья увидели воздушную струю, похожую на инверсионный след самолета. И когда эта струя коснулась Анны Павлиновны, вокруг нее словно произошел взрыв. Несчастного Тобика подбросило высоко в воздух и перевернуло несколько раз. Сама Шайкина вертелась в воздухе дольше. Шлем, меч, куски доспехов отделялись от ее тела и отлетали на значительные расстояния. Лопнуло даже дорожное покрытие. Каменные прямоугольники брусчатки измельчились в мелкую щебенку, и на том месте, где секунду назад горделиво гарцевала Анна Павлиновна, образовалась не глубокая, но широкая воронка.

– Манать! – Коротко прокомментировал Илья. – Таким воплем и убить можно.

– Можно, – согласился Вильям.

Визг дробил тела убитых лягушек. Куски лягушачьего мяса, огромные крапчатые окорока, неприглядные внутренности разлетались во все концы улицы и зависали на деревьях, заборах, крышах домов.

Потом Бэнши взлетела повыше, не прекращая пронзительно орать. В ее визге даже различались слово проклятий, адресованных Шайкиной, соседям, сыну и брату, да и вообще – всему роду человеческому. Повалились с ног, сбитые визгом, любопытствующие соседи, покатались по дороге, как гонимые ветром кустики перекасти-поля, теряя обувь и головные уборы. Соседи тоже орал, тоже проклинали род человеческий и особенно одного горластого его представителя, заставившего их так вот катиться, но их хоровые вопли заглушались визгом Бэнши.

Ужасающий торнадо бушевал над станицей Рязской, разрушая все и вся. Слетала с крыш солома и черепица. Только этим утром изменившие архитектурную форму дома обрели такое кровельное покрытие вместо невзрачного шифера, и теперь лишались его. Поднимались в небо камни, щепки, земля, обломки оград и заборов, какая-то мелкая живность.

Анна Павлиновна Шайкина сделала пару неуверенных попыток подняться на ноги и дотянуться до меча, но Бэнши сразу же пресекла эти действия, обрушив на соседку новую порцию зубодробительного визга.

Потом Бэнши замолкла, осталась висеть над улицей, барражируя на своей метле и горделиво посматривая на произведенные разрушения. В ее маленьких глазках светились нешуточная гордость и самодовольство: смотрите, какая я горластая, всех перекричать смогу, не смею спорить, слухай мене!!!

– Только бы меня не заметила! – Напрягся Вильям. – У нее ко мне давние счеты.

– Заметила! – Испугался Илья.

И вправду, заметила, устала на ребят свой недобрый взгляд, и потом по-подлому так усмехнулась, широко, как зевающий бегемот, распахнула свой рот, набрала огромное количество воздуха и заорала. Рядом с ребятами вздыбилась мостовая. Разлетелась на мелкие осколки брусчатка, повалилось дерево.

– Бежим! – Прокричал Илья.

И они побежали. Бэнши летела следом на своей метле, продолжая орать, неся масштабные разрушения. Словно могучий вихрь преследовал ребят, собираясь уничтожить, разорвать на составляющие. От громкого визга уже давно заложило уши. Вильям и Илья что-то орал, к чему-то призывали, но друг друга не слышали. Только по направлению, которое избрал для бегства его друг, Вильям догадался, что бегут они к японскому замку Илья.

Бэнши замолкла, набирая воздух, заглатывая его большими порциями, раззявив до бесконечности рот и закатив от удовольствия глаза. Это дало и возможность добежать до замка

и спрятаться за прочными стенами. Когда они пробежали мимо залива, их увидела и окликнула Леночка.

– Как там мама?

– Нету мамы! – Задыхаясь, выдохнул Илья.

– Как нету мамы? – Захныкала русалка.

– Была и кончилась, – сказал Вильям.

Потом они юркнули в крепостные ворота японского замка, а Леночка осталась всхлипывать и причитать.

Бэнши не решилась нападать на замок, покружилась над домами, поорала, слегка сбавив громкость. Просто так поорала, для проформы, для того, чтобы ни у кого не было сомнения в ее исключительной горластости и воинственной храбрости. И полетела обратно в свой дом с колючими цветами и химерами на столбах.

– Манать! – Емко констатировал Илья, валясь с ног на пестрые плитки внутреннего двора своего японского замка. – Нет, говорят, для здоровья полезно так бегать. Но можно и без башки остаться.

– Не пришлось бы нам каждый день от этой Бенши бегать, – сказал Вильям. – Нам нужно что-то придумать, что-то противобэншевое.

– У меня арбалеты есть и луки, – сказал Илья. – Целый арсенал имеется.

– А нет ли в твоём арсенале чего-нибудь более гуманного, например, аэрозоль какой-нибудь, репеллент? Не хотелось бы соседку насовсем убивать.

– Хм, только вчера ты ее ядом жерлянок травить собирался. Откуда теперь такая жалость?

– Так ведь соседка, хоть и ведьма с голосом. Привык как-то за долгие годы.

– Гуманист.

Посидели еще некоторое время, приводя в порядок нервную систему, успокаивая надорванные мышцы. Покой и восточное умиротворение царили в японском замке. Где-то в густой листве растущей во дворе вишни, щебетали звонкие птички, радуясь жизни. Маленький домик, в котором вчетвером проживала семья Кариных, в размерах не увеличился, но изменил архитектурную форму, вытянулся вверх несколькими ярусами, превратившись в домик японский. Дом окружал японский сад, с камнями, водоемами, мостками, с традиционными вишнями, причудливо изогнутыми соснами и бамбуком. Играл печальную музыку водяных капель суйкинцу – всего лишь зарытый в землю глиняный горшок с капающей через бамбуковые трубки водой, но издающий мелодичные звуки.

– Да-а, – протянул Вильям, разглядывая обстановку. – Японский сад вместо грядок с хреном. Сурово.

– Ты еще внутреннюю обстановку не видел, – проворчал Илья. – Ничего своего не могу найти. Пойдем в мою тэнсюкаку?

– Куда?! – Испугался Вильям.

– Так мое жилище называется. Главное здание в японском замке.

– Тэнсюкаку. Язык сломаешь.

– Привыкнешь. Приобщайся к великому духу древней Японии. Пошли, чаем угощу.

Ребята поднялись на ноги и вошли в дом. Неожиданная пустота просто резала глаза: исчезли диваны, кровати, шкафы и книжные полки. Нет, книги никуда не делись, но теперь прятались в стенных нишах, а не лежали штабелями на всеобщем обозрении. Под ногами пружинили золотистые татами. Вместо трех комнат теперь была одна большая, разделенная раздвижными фусуми. Причудливо вывернутые драконы, летящие журавли, изогнутые стебли бамбука смотрели со стен, перегородок, пола и потолка, – весь дом был расписан яркими традиционными рисунками. Имелась и стена с оружием, страшным, грозным, убийственным: катаны, вакидзаси, танто, копья – су яри, луки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что

не только японское оружие было представлено на стене. Было здесь еще нечто необыкновенное, разноформенное, грозное. Какие-то экстравагантной формы клинки с золотой насечкой и утонченными рукоятками. Красивые, причудливые, но не игрушки, такими приспособлениями легко и просто можно было оттяпать голову любому недоброжелателю.

– Впечатляет, – заключил Вильям. – Не ожидал от тебя такой воинственности. Можно целую армию вооружить.

– Я тоже такого не ожидал. Но будет чем Бэнши встретить.

– Там нет ничего не смертельного, чтобы оглушить можно было, но не убить?

– Поищем. В крайнем случае, аркебузу резиновой пулей зарядим.

– Ружье?!

– Эх ты, бестолочь! Первые аркебузы – это арбалеты, стреляющие металлическими шарами. У меня такие в подвале лежат. Там еще я боласы видел. В конце концов, можно каким-нибудь гамаём двинуть, чтоб только не насмерть.

– Пойдет, – решил Вильям.

– А это что? – Насторожился Илья, обнаружив среди клинков маленькую книжонку. Данный предмет с общей обстановкой арсенала явно не вязался.

Похожая размерами на блокнот, обтянутая в кожу пергаментная брошюрка сиротливо лежала на полке между кинжалами и мечами. Илья взял книжку, раскрыл ее на первой странице, прочитал название, написанное причудливым готическим шрифтом золотой краской.

– Хм, – усмехнулся он. – Почему-то я не удивлен.

– Чего там? – Заинтересовался Вильям.

– «Бэнши, краткое описание разновидностей, опасностей, которые они представляют, и меры защиты против них, сочинение монаха Азинуса Азинуса»! – Прочитал Илья длинное название книги. – Вот так! Все в тему. Если появились в нашем мире Бэнши, то есть и пособия по борьбе с ними! Пойдем лучше чаю попьем с вагаси.

– С чем?

– Со сладостями японскими. Чувствую, если так продолжаться будет, заговорю по-японски, а потом сделаю себе сэпку...

Илья ничего не смыслил в японской чайной церемонии, да и не стал изображать из себя знатока, как часто поступал Димка Куров. Он привел своего друга в комнату, которая еще вчера была кухней. Он кухней и осталась. На месте была газовая плита и старенький, доставшийся от бабушки буфет, но другой угол кухни, где стоял обеденный стол, был углом японским, застеленным татами. И стол уменьшился по высоте раза в три. За этим столиком теперь надлежало сидеть на корточках, поджав под себя ноги. На столе располагался приготовленный неизвестным мастером завтрак.

– М-да, – удивился Илья, разглядывая плоские и горшочки из глазурованной керамики, наполненные чем-то вкусным, палочки для еды – хаси. – Наверное, мой карлик постарался. Присаживайся.

Вильям сел перед столом, долго ерзал, принимая подходящую позу. Сидеть в таком положении было не привычно, мешал топорщащийся кинжал, пока Вильям не передвинул его подальше за спину.

Ребята посмотрели на сервировку, друг на друга, на палочки для еды. Все было непривычным, необычным, несколько пугающим.

Илья неуверенно взял палочки, попытался пристроить их в руке, как это делают японцы и китайцы в кино. Ничего не получилось.

– Ой, да чего это мы?! Кого боимся? – Воскликнул Илья и, отбросив палочки, решительно полез рукой в пиалу с рисом, взял прямо пальцами горсть и засунул в рот.

Вильям последовал его примеру. Куски рыбы и мяса они ели руками, а суп из водорослей выпили прямо из чашек, громко сопя и чмокая.

Вильям вдруг понял, что сильно проголодался, ведь он ушел из дома, даже не позавтракав, не попив чая, не съев бутерброда с колбасой. Он проглатывал вычурные японские деликатесы из сырой рыбы, не ощущая вкуса, пил ароматный бульон, хрустел тертой редькой, закусывая все горстями риса.

– А и ничего, – заключил Илья, усиленно работая челюстями. – Вкусно. Хорошо кормятся эти японцы. Уф! Теперь можно и чайку попить, уже не так быстро. Где-то я здесь чайник и пиалы видел.

– Вот, сбоку, – сказал Вильям, протягивая небольшой глиняный чайник.

Они заварили в плошках мелко измельченный зеленый чай. Попробовали – ничего, хотя и не привычно, но пить можно. Нашлись на столике и вагаси: всевозможных расцветок маленькие рисовые комочки, пастилки, пирожки, кусочки желе – все это было ярким, пестрым, фигурным, изображающим цветы, животных, листья растений. На вкус? Ну, не совсем сладко, непривычно.

Пришло насыщение. Вильям и Илья уже не налегали на еду, потихоньку пили чай, пытались ощутить и понять незнакомый вкус. Потом Илья открыл книжку про Бэнши, которую захватил с собой.

– Бэнши бывают трех видов, – прочитал Илья вслух, – Бэнши лесные, они же таинственные, своим пением предсказывают скорую гибель человека. Это не то. Бэнши черные, они же пещерные, своим криком вызывают горные обвалы, питаются мясом своих жертв... Опять не то. Вот! Бэнши красные, гибрид, получившийся в результате скрещивания русской ведьмы с домовыми, летают на метлах, обладают самым сокрушительным голосом. Подлы, коварны, злословны. Особую опасность представляет красная бэнши Алла, реликт древних времен!

– О, как! – Воскликнул Вильям.

– Ты удивлен? – Спросил его Илья.

– После гигантского Тобика, лягушек, бэнши по имени Алла? Какая мелочь. И как с ней бороться?

– Очень хорошо яд жерлянок помогает, – прочел Илья. – Ну как? Может быть, это все же сон или бред? Мы спим и друг другу снятся.

– Ага, во сне я ел японский обед. И коленка у меня после падения тоже во сне болит?

– А вот вы где? – В комнату вошел Женя в восточном халате из золотой парчи, зеленых восточных шароварах, восточной чалме. За широкий кушак на поясе у него был заткнут внушительных размеров ятаган. Ни дать ни взять, мальчик Аладдин из сказок изошренной Шахерезады, однако услужливого джинна поблизости не наблюдалось. Имелся дракон, размером с порядочного дога, какой-то яркой крапчатой расцветки, словно обрызганный струями разноцветной краски, с шипами по хребту, рогами на голове, пучком колючек на хвосте. Выражение морды дракон имел безрадостное, ипохондрическое, своему грозному виду не соответствующее.

– Это кто?! – Перепугался самурай Илья и выхватил меч, что по самурайскому кодексу бусидо считается большим оскорблением.

– Это? – Спросил Женя обеспечено и обернулся к дракону. – Это аксолотль. Тот самый, что я Оксанке Селиверстовой пытался на день рожденья подарить, а она мне его вернула. Он сначала в амбистому превратился, а теперь в дракона.

– Что жизнь с аксолотлями делает! – Сочувственно проговорил Вильям.

– Да уж, – согласился Женя.

Аксолотль в ответ качнул лобастой головой и печально, по-коровьи вздохнул. Видимо, он поддерживал идею трудности и опасности жизни и ее способности проводить над зверьми разные мутации.

– А он не кусается? – Настороженно спросил Илья, продолжая держать меч в полуобнаженном виде, готовым в любой момент использовать его по прямому назначению.

– Кусается, – весело ответил Женя. – И огнем плюется, когда я ему скажу.

– Уже лучше. Послушный?

– Послушный.

– Отлично, но все равно держи его подальше. Ты его сегодня кормил?

– Нет.

– Вот это уже плохо. Вдруг он проголодается и нас съесть захочет.

Дракончик, услышав эти слова, снова печально, по-коровьи вздохнул.

– Вот видишь, – отшатнулся Илья. – Он уже вздыхает. Это от голода. Предвкушает, небось.

– Ну ты и храбрец, – усмехнулся Женя.

– Я понял! – Вдруг воскликнул Вильям, вскакивая.

– Чего ты понял? – Спросил его Илья.

– Аксолотль – это ключ ко всему случившемуся! Был он аксолотлем, жил себе в своем аксолотльем обличье, жрал свою аксолотльную еду и был доволен. Потом обстоятельства изменились, стало суше, и он превращается в тигровую амбистому. Но и тигровая амбиста и аксолотль – суть одно и то же. И дракон, он только внешне дракон, но он остался аксолотлем!

– Не понял! – пробормотал Илья.

– Я тоже не понял, ЧТО ты понял, – произнес Женя.

– Ну как же, как же, – продолжал бушевать Вильям, на него обрушилось вдохновение, но собрать мысли для внятного объяснения пока не получалось. – Аксолотль и твоя амбиста – один вид. Так?

– Так, – ответил Женя.

– Ну вот, а дракон – это тот же самый вид. И Шайкина, и Илья—самурай, и Громовы, которые стали моими слугами. Изменилась только внешняя сторона, а суть... Суть не меняется. В каждом из нас есть множество вариантов, и в зависимости от обстоятельств меняется внешность. Громовы всегда были слугами, только обстоятельства сделали их семьей главврача. И у Ильи, где-то в глубине его сущности был спрятан самурай.

– А если что-то опять изменится, я превращусь в крысу? – Спросил Илья.

– Нет же! В твоей сущности нет крысы!

– Ничерта я не понял, – проворчал Илья.

– Я тоже, – сказал Женя.

– Ну как же! В каждом человеке, в каждом событии, в целом мире есть несколько вариантов возможностей, как в аксолотле. Они в них заложены изначально, так сказать: про запас. Аксолотль – это же, по сути, головастик, который живет как головастик, размножается и умирает, так и не становясь взрослым. И только, когда пересыхает водоем, он становится взрослым. Ведь так?

– Так, – кивнул головой знаток таких животных Женя.

– Тетка Алка всегда была горластой бэнши, Илья – самураем, а Громовы – рабами. И каждый дом – это немного дворец. И наша станица – это сказочный город, только спрятанный, скрытый. Понятно?

– Ни фиги не понятно! – Сказал как отрезал Илья.

– Ну и ладно, – примирительно проговорил Вильям, его задор уже остыл.

Он уселся за японский столик, налил себе чаю и выпил одним залпом.

– Мужики, – воскликнул Женя после паузы. – В станице такое происходит!

– Представляем, – пробурчал Илья. – С меня хватает моего японского замка и самурайского прикида.

– Это еще мелочи! Все дома в станице во что-либо превратились: во дворцы, замки, пещеры, терема! Вместо здания администрации какой-то лабиринт, кто туда входит, обратно

выйти не может, там и остается. Говорят, наш районный глава там уже заблудился. Слышали крики о помощи, но его заел какой-то Минотавр.

– Хм, – усмехнулся Вильям.

– А у меня дома мой зверинец изменился вообще! Мама увидела, чуть в обморок не упала. Вместо рыбок, мадагаскарских тараканов, веретениц, морских свинок – дракончики, мантукоры, какие-то горгульи, гремлины. Я даже название подобрать не могу! Страшные все, но меня не трогают.

– Сытые потому что, – решил Илья. – Проголодаются и тебя сожрут, и твою маму и брата твоего неупутевого.

– Не сожрут. Они едят то же, что ели до этого. А центр станицы в порт превратился. Да-да, настоящий порт. Вместо асфальта – вода, а к тротуарам парусные корабли пристают, товары разные сгружают. Как раз возле службы судебных приставов. Там теперь пристань и трактир «Пристанище». Сами приставы теперь какими-то страхолюдинами сделались, бегают к людям пристаю. Приставы пристаю, корабли пристаю.

– К пристани, – повторил Илья.

– Ага! А еще я Шайкину видел в доспехах. Больную какую-то. Ее бабка Шайкинская и Нюрка под руки вели, а следом кобель хромал, побольше коровы с седлом на спине.

– Это Шайкина с бэншей сражалась, – без удивления сообщил Илья.

– С какой бэншей? – Спросил Женя. – Про какую бэншу вы все время твердите?

– Ну, как тебе сказать, – начал Вильям. – Ты про бэнши слышал? Из кельтской мифологии. Они там песни поют и этим смерть предвещают. Так наша тетка Алка бэнши заделалась.

– Только она не поет, – продолжил Илья. – Она орет. Громче прежнего! Ты разбитые крыши и поваленные деревья видел? Так то тетка Алка своим криком разбила.

– Подумать только! – Удивился Женя. – То-то я и смотрю: деревья повалены, воронки какие-то на мостовой. Куски гигантских лягушек кругом валяются.

– Это тетки Алкины слуги, – произнес Вильям. – Сначала они Шайкину убить пытались, а когда не получилось, сама Бэнши за дело взялась. Заметьте, ля-гу-шки! Вчера мы с лягушками что делали? Ловили, тетке Алке задарить пытались. Не наша ли это работа, что так вся станица перекорежилась?

– Вряд ли, – возразил Илья. – Мы ничего такого не делали, колдовать не пытались, никакие приборы не включали. К тому же, если бы это моя воля была, Ленка Шайкина превратилась бы в корову, а не в русалку...

– Русалку? – Опешил Женя.

– Ты русалку не видел? Ну, выйдешь из моего замка, помотришь возле причала, увидишь. Плавает. Если только не утонула.

– Пойдемте, на русалку посмотрим, – попросил Женя. – Я русалок еще никогда не видел, тем более Ленку Шайкину. И вообще, пойдемте по станице прошвырнемся, новые достопримечательности посмотрим.

– Там Бэнши, – напомнил Илья. – Она меня с Вилькой терпеть не может. Чуть не убила.

– Чуть не считается. Пойдемте, на пристань глянете, на корабли, на дворцы.

– Пошли, Илья, – поддержал Вильям друга. – К тому же у нас книжка есть, как с бэншами обращаться и чем их травить.

– А чем травят бэншей? – Спросил Женя.

– Ядом жерлянок. Оригинально, ты не находишь? У тебя та пара жерлянок осталась, что мы вчера поймали? Ты их еще домой унес.

– Остались. Но теперь это не жерлянки, а какие-то чудовища, – сказал Женя.

– А, ну вот, – продолжал ворчать Илья. – Охота на тех жерлянок страшнее охоты на бэншу будет.

– Пошли в станицу, – потребовал Женя.

– Пошли, – согласился Вильям. – Пусть Илья свои боласы возьмет и аркебузу. Если нападет на нас Бэнши, мы ее быстро спешим. Пошли.

– Хорошо, – нехотя согласился Илья.

– Ура! – Обрадовался Женя. – Пошли, Бобик.

Это он так дракона величал.

– Фу, Бобик! – Возмутился Илья. – Такому зверю нужно грозное имя. А тут «Бобик». «Шарик», еще скажи.

Услышав это замечание, бывший аксолотль и теперешний дракон горько вздохнул. Видимо, ему тоже не нравилось такое несерьезное имя. Но, не выражая непокорства, только понурился до земли, он пошел к выходу.

Вильям и Илья встали из-за стола. Илья пошел экипироваться для выхода в свет, предполагавший наличие опасностей и множества тайн. Кроме двух самурайских мечей он взял еще аркебузу, не фитильное ружье, но особый арбалет, зарядил его камнем, намереваясь, в случае нападения Бэнши травмировать ее, но не убить. Сопровождаемые печальным драконом, они покинули японский замок...

Глава вторая

в которой повествуется о семействе Бякиных, их беспримерном героизме и стоическом смирении

Воскресное утро началось для братьев Бякиных без всяких неожиданностей, как обычно начинается воскресное утро у братьев Бякиных.

Первым проснулся Лехоша, вскочил на ноги, отбросив на пол одеяло, и стал на кровати прыгать, доставая макушкой до низкого потолка.

– Прибыла в Одессу банда из Амура, в банде были урки, шулера! – Вопил Лехоша на весь домик, не музыкально, но вызывающе громко. – Банда занималась темными делами, а за ней гонялась ГубЧеКа...

Любил Лехоша песни уголовной тематики, да кто эти песни в девяностые годы не любил. Все прямо таки балдели от хриплоголосых певцов и певиц, услаждающих слух тюремной романтикой.

– Заткнись, Гнида! – Взвыл разбуженный Саша и запустил в брата подушкой. Не попал, а Лешка сразу сменил песню

– Сантёр-монтёр, штаны протёр, новые надел и те пропердел! – Выкрикивал Лешка, продолжая прыгать.

А Саша был не в настроении. После ночных блужданий в компании призрака известного бандита Жглота, после преподанных этим призраком уроков бандитского мастерства Саше хотелось спать. Сильно хотелось. Ночные приключения теперь казались просто ночным кошмаром, одним из многих, приснившихся Саше Бякину за его жизнь. Кошмаром больше – кошмаром меньше, но спать-то хочется.

– Сантёр баран с полки на пол упал! – Вопил Лехоша, сочиняя свои дразнилки прямо на ходу. – У Сантёра рожа на горшок похожа! Сантёр-монтёр штаны протер...!

Саша некоторое время терпел, пытался заткнуть уши, пытаясь принять такую позу, чтобы Лехошины вопли звучали тише. Но все без толку.

– Ну, Гнида, держись! – Проревел Саша Бякин, вскакивая с кровати. Одним движением ноги Саша сбросил своего младшего брата с постели. Не ожидавший такой атаки Лехоша отлетел в противоположный угол комнаты и ударился спиной об стену.

Героическая тематика в его голосе сменилась тематикой трагической. Лешка больше не пел, распахнул рот во всю ширь, напряг глотку и голосовые связки, и полетел во все стороны могучий и пронзительный визг придавленного поросеночка.

– Что, получил, помойка?! – Сказал Саша Бякин и вернулся в свою постель.

Лехоша выл долго. Обычно в таких случаях на его вой приходила бабушка, начинала хлопать и возмущаться, обещая Сашу пороть. Но бабушка почему-то не пришла. Без соответствующей поддержки Лешкин вой стал постепенно стихать, перешел в плач и затих.

– Еще получишь, Сантёрина, – пообещал Лешка Бякин, вытер слезы и в одних трусах вышел из комнаты. Постель заправлять он не стал, в их семье подобная процедура не практиковалась.

Вскоре покинул свою кровать и Саша. Лехоша окончательно перебил весь утренний сон, и пробудил голод. А в таком состоянии никаких сладких сновидений не увидишь.

В доме и во дворе все было по-старому, без всяких сказочных излишеств. Возможно, неизвестная сила, странным образом изменившая мир, вся израсходовалась на отделение бякинского двора от коренного грунта и поддержание его в таком подвешенном состоянии. Никто из обитателей на улицу не выходил, да и густо растущие по всему двору деревья не поз-

воляли разглядеть из окон все волшебные изменения. Короче говоря, все пребывали в счастливом неведении.

Ну, может, не совсем счастливом. Встав поутру, старики вдруг обнаружили, что в доме нет ни воды, ни электричества, ни газа, что в наше цивилизованное время является настоящей катастрофой, не работал телевизор – воскресная отрада, а подле размороженного холодильника собралась большая лужа воды. По этой причине у деда с бабкой разгорелся жаркий скандал. Больше всего деда Степана возмутило отсутствие воды и газа, вследствие чего отсутствовал и завтрак.

– Сорок лет назад в доме ни газа не было, ни водопровода, – сварливо ругался старик. – Воду из колонки на улице ведрами носили, а жрать на печи во дворе готовили! И жили себе, все успевали!

– Ты мне печь сложил? – Гневно вопрошала баба Муня. – Воды принес. Будет вода, будет печь – будет и завтрак.

– Что, есть нечего? – Разочарованно спросил Лехоша. Он уже не плакал, даже позабыл о своих неутешимых страданиях и горьких слезах, пролитых пару минут назад. Стоял возле деда с бабкой, не понимая сути разгоревшегося спора.

– Лодырь, оболтус, – ни с того ни с сего напустился старик на внука. – На всем готовом, дармоед, живешь! Дед с бабкой из силы выбиваются...!

– Что случилось? – Спросил вышедший на шум Саша.

– И этот лентяй пожаловал. Я вам обоим покажу, как жизнь трудна. Возьму хворостину и задницу надеру!

– За что? – Удивились братья Бякины.

– Ты Алешку маленького не трожь! – Потребовала от старика баба Муня. – Он маленький еще. Сходи лучше узнай, почему ни газа, ни света, ни воды нет.

Старик, собиравшийся сорвать свое дурное настроение на внуках, закрыл рот, не решившись длить скандал. Он быстро направился к телефону, поднес к уху трубку, несколько раз ударил по клавишам.

– Телефон тоже не работает, – сообщил он растерянно.

– Так на вулицу выйди, – проворчала баба Муня. – Мне, шо ли, тебя учить?!

Старик громко чертыхнулся и вышел из кухни.

– Вот шо, унучики, – обратилась баба Муня к своим внукам. – Есть у нас нечего, пить тоже. Там у холодильнике масло «Рама» имеется, у серванте – хлеб. Намажьте себе масло на хлеб. А Сашка пушай у погреб за вишневым узваром спустится.

Выполнить задание внуки не успели, во дворе громко и перепугано завопил дед Степан.

– Господи, божесть мой! – Вздрогнула старушка. – Шо там еще случилось?!

И побежала во двор. Саша и Леша устремились следом. Вопящего деда Степана они обнаружили в странном положении, висящим на открытой калитке. Перепуганный старик всеми конечностями вцепился в калитку, словно хотел на ней покататься.

– Закройте калитку! – Прохрипел дед Степан.

Баба Муня подбежала к нему и в испуге отшатнулась назад:

– Господи!

– Калитку! Скорее калитку! – Хрипел дед Степан.

Саша и Леша подбежали к старикам. И застыли... Их удивленному взору предстал волшебный пейзаж. Их двор находился где-то наверху, а внизу простирался берег морского залива, лазурного, волнительного, с пенными барашками на поверхности и чайками над волнами. По правую сторону, на берегу стоял смутно знакомый городок, с крытыми черепицей домиками, дворцами, фонтанами. Не то, чтобы было очень высоко, но любоваться открывшейся картиной было приятно. Зелень садов радовала глаз. А возвышенное положение двора вселяло

мысль о безопасности и безнаказанности в случае совершения какого-нибудь бякинского правонарушения.

- Ух—ты ж! – Восхитился Лехоша.
- Оба-на! Прикольно! – Обрадовался Саша.
- Закройте калитку! – Напомнил дед Степан.

Но было уже поздно. На Сашу уже снизошло его знаменитое состояние, когда от удивления он отключался от всего сущего, выкатывал глаза, открывал рот, и каталептически взирал, напряженно переваривая узртое. Открывшиеся Саше непонятные изменения в окружающей родимый дом обстановке требовали напряженной мозговой работы, и такой пустяк, как зависший над землей дедушка, не мог его потревожить. Лехоша увиденное не осмысливал, он просто радовался, впад в щенячью эйфорию, стал подпрыгивать и тоненько повизгивать.

– Калитку! – Истерично провыл дед Степан. Несмотря на крепкий захват, он уже начал съезжать вниз по металлической поверхности.

Бабушка Муня отвесила внукам по подзатыльнику, дабы привести их в чувства и излечить от удивления и радости. Помогло. Саша очнулся, потрянул головой, отгоняя наваждение. Перестал прыгать и Лешка. Затем они втроем закрыли калитку, втащили во двор деда Степана и уронили на землю. Старик даже не сетовал на поздно оказанную помощь. Он просто растянулся навзничь на асфальтовой дорожке двора, стараясь отдышаться и прийти в удовлетворительное состояние.

Саша и Леша между тем снова принялись радоваться, предавшись этому приятному занятию со всей детской непосредственностью и по-бякински прямолинейно, не оценивая всей двусмысленности своего положения, не понимая возможных опасностей. Саша уже не застывал с открытым ртом, а бегал вдоль забора, забирался на перекладины и смотрел вниз со всех удобных точек, следом бегал Лехоша.

– Круто! – Восторженно кричал Саша. – Теперь можно камнями по людям кидать, а они нам ничего не сделают.

Возможность бросать камнями по живым мишеням без тяжелых последствий было еще одной Сашиной мечтой, наряду с желанием вступить в мафию.

– С голоду подохнем, – простонала бабушка Муня, возвращая внуков к жестоким реалиям. – И от жажды. Или разобьемся, когда униз спускаться станем. Ни хлеба не купишь, ни «скорую» не вызовешь. А как вы у школу ходить будете?

- Ну в школу можно и не ходить, – вкрадчиво напомнил Лехоша.
- А за молоком? Ты за раз литру молока выпиваешь... С помидорами!
- Ага, – догадался вдруг Леша, почесывая затылок. – Теперь ни молока, ни помидоров!..
- Теперича голодовать станем, – простонала бабушка Муня.
- Зато от Лехошиного поноса избавимся, – предположил Саша.

Увидев, что его любимая бабушка растянула губы и собралась плакать, сменил тематику и Лехоша. Он вдруг понял, что может лишиться любимого молока и любимых помидоров, а уж это – трагедия. Лешка горько, по-коровьи вздохнул и печально заныл, панорама вниз его уже не радовала.

– Цыц оба! – Прикрикнул на них пришедший в некоторое удовлетворительное состояние дедушка Степан. – Хватит стонать, бабка. Пойди, за дочкой сходи, нужно обмозговать семейно, что с нами случилось, и что теперь делать?

- Ох, ох, ох! – Продолжала стонать бабушка Муня, но в дом за дочкой пошла.

Как оказалась, Альбина ночевала в доме не одна. Каким-то странным образом в ее постели оказался незнакомый старикам мужик, невыразительной наружности с невнятным голосом и отсутствием всякого вкуса в одежде. В другое время старики и возмутились бы такому открытию, устроили бы скандал и выяснение личности очередного, незарегистрированного кавалера их тридцативосьмилетней дочери. Но сейчас они даже обрадовались такому

подарку судьбы, надеясь, что сильная, мужественная рука поможет им выбраться из передраги. Однако кавалер стариков не обнадежил, вместо того, чтобы спасти, он стал спасаться, устроив большую и слезливую панику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.